

И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте: партнёры и конкуренты

Валерий Степанов

Иван Алексеевич Вышнеградский и Сергей Юльевич Витте... Появление этого тандема в правящей элите Российской империи было воспринято современниками как невиданное нарушение вековых бюрократических традиций. «В Петербурге что-то крякнуло. Какая-то балка, – с юмором вспоминал известный фельетонист В.М. Дорошевич. – В министрах появились Вышнеградский, за ним Витте. Не князья, не графы, не представители “родов”, не сановные люди. “Просто” Вышнеградский. “Просто” Витте. Какие-то. Откуда-то... Именно в тот момент, когда, казалось, мы окончательно повернули назад, в старину, – мы сделали прыжок вперёд. В старой стене вдруг открылась брешь, и в этой брешу появились: – новые люди! Без традиций, без преданий. – Без корней!!! Явились какие-то бухгалтеры, чтоб подводить итоги старому. Люди со счетами вместо геральдических щитов. Это было объявление Петербурга: – банкротом. Петербург более не в состоянии поставлять министров: – какие теперь требуются. Приходится брать “со стороны”. Откуда-то. – Из страны!»¹.

Восхождение обоих будущих министров финансов на бюрократический Олимп происходило стремительно. Их сотрудничество началось в Обществе Юго-Западных железных дорог, образовавшемся в июле 1878 г. в результате слияния акционерных обществ Киево-Брестской, Брестско-Граевской и Одесской линий. И.А. Вышнеградский занял тогда пост вице-председателя правления компании, но фактически держал все нити управления в своих руках². Его патрон – видный варшавский банкир и подрядчик И.С. Блюх – непосредственно делами общества не занимался. В 1881 г. Вышнеградский и *de jure* стал председателем правления. Опытный организатор и менеджер, он умел распознавать и выдвигать на ответственные должности способных и энергичных людей, предоставлять им широкую самостоятельность, стимулировать к работе, пробуждать в них инициативу³. Самым крупным «открытием» председателя правления стал Витте. «Вас создал Вышнеградский», – утверждал, обращаясь к Сергею Юльевичу, близкий к нему публицист И.И. Колышко⁴. По свидетельству редактора «Биржевых ведомостей» С.М. Проппера, перед тем, как перейти в Общество Юго-Западных железных дорог, Витте «пережил большой личный кризис, из которого его вытащил Вышнеградский». После приго-

© 2014 г. В.Л. Степанов

¹ *Дорошевич В.М.* Воспоминания. М., 2008. С. 221–222.

² О предпринимательской и государственной деятельности И.А. Вышнеградского подробнее см.: *Степанов В.Л.* Иван Алексеевич Вышнеградский // Отечественная история. 1993. № 4. С. 99–115.

³ *Андреев П.Н.* Юго-Западные казённые железные дороги: историко-экономический очерк в связи с результатами эксплуатации Юго-Западных дорог за время до перехода (1880–1894 гг.) и после перехода в казённое управление (1895–1904 гг.). Киев, 1906. С. 115.

⁴ *Баян [Колышко И.И].* Ложь Витте. Берлин, [б. г.]. С. 11.

вора суда по делу о Тилигульской катастрофе, унесшей в декабре 1875 г. жизни более 100 человек, он лишился своего поста помощника начальника службы эксплуатации на Одесской железной дороге и был приговорён к четырём месяцам тюрьмы (которые так и не отбыл). Когда Витте обратился с просьбой о месте к председателю правления Главного общества российских железных дорог В.А. Половцову, тот не допустил его к себе и дал знать через секретаря, что не имеет вакансии для «бывшего каторжника»⁵. Тогда Вышнеградский взял его в правление своей компании.

Однако Проппер допустил явную неточность, поскольку между Тилигульской катастрофой и переходом Витте в Общество Юго-Западных железных дорог прошло два с половиной года. Кроме того, благодаря своим заслугам в организации перевозок во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Сергей Юльевич сумел не только реабилитировать себя, но и получить более высокую должность начальника службы эксплуатации Одесской железной дороги. Тем не менее именно Вышнеградский сыграл решающую роль в карьере молодого честолюбца. В 1878 г. Витте был назначен заведующим отделением эксплуатации в правлении в Петербурге и в течение почти двух лет особенно тесно сотрудничал с вице-председателем. По его словам, Вышнеградский совмещал слишком много обязанностей (профессор Санкт-Петербургского технологического института, «главный деятель» ряда акционерных обществ и т.д.) и не мог уделять руководству компаний достаточно времени. Витте, явно выпячивая свою роль, утверждал, что фактически все дела правления вели он, занимавшийся вопросами эксплуатации, и инженер С.И. Кербедз, заведовавший технической частью⁶.

В феврале 1880 г. Витте стал начальником службы эксплуатации Юго-Западных железных дорог и переехал в Киев. На этом посту он вполне оправдал надежды Вышнеградского. Ему удалось существенно повысить эксплуатационные доходы и покончить с хроническим финансовым дефицитом компании. Витте внёс значительный вклад в рационализацию перевозок грузов и пассажиров. При нём усилилась централизация административного управления, началось развитие на дорогах ссудных и комиссионных операций, для упрощения процедур приёма и сдачи грузов в важнейших населённых пунктах открылись городские станции и транспортные конторы, погрузочно-разгрузочными работами на станциях стали заниматься специальные дорожные службы, ускорилось движение пассажирских и товарных поездов, с целью увеличения грузооборота по сухопутной границе были заключены конвенции с германскими, австрийскими и румынскими железными дорогами.

Особое значение Витте, как и Вышнеградский, придавал использованию гибкой тарифной политики. Под его руководством были проведены тщательные статистические исследования, организованы эксперименты по отправке товаров в разных направлениях. Витте всячески стремился к уменьшению провозной платы на тех участках сети, где наблюдалось значительное снижение интенсивности грузопотоков, а также к максимальному сокращению числа тарифных схем. Большое внимание он уделял установлению хлебных тарифов в сообщениях с иностранными железными дорогами. Вскоре Витте был признан крупнейшим знатоком тарифного дела. Всеобщий интерес вызвала его

⁵ *Propper S.M. v. Was nicht in die Zeitung kam: Erinnerungen des Chefredakteurs der «Birschewyja wedomosti».* Frankfurt a/M, 1929. S. 152, 153.

⁶ Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 111.

книга «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов», изданная в 1883 г. в Киеве. Тем самым он проявил себя не только как выдающийся менеджер, но и как теоретик⁷.

Все договоры об урегулировании отношений с другими обществами в условиях острой конкурентной борьбы заключались Вышнеградским вместе с Витте. В частности, в мае 1883 г. они участвовали в конференции в Киеве по пересмотру условий ранее заключённых соглашений, на которую прибыли представители Привислинской, Мариенбург-Млавской и Восточно-Прусской Южной железных дорог, а в ноябре 1884 г. в Петербурге – на заключении соглашения с представителями Либаво-Роменской и Восточно-Прусской Южной дорог. Вышнеградский и Витте привлекались к обсуждению вопросов железнодорожной политики и на правительственном уровне – входили в состав Комиссии для исследования железнодорожного дела в России под председательством гр. Э.Т. Баранова (1876–1884 гг.), принимали участие в работе съезда, созванного в декабре 1881 г. для обсуждения проекта «Общего Устава российских железных дорог»⁸. Они были также членами Комиссии по вопросу о тарифах железных дорог при Министерстве путей сообщения, открывшей свои заседания в 1884 г.⁹

Совместная работа Вышнеградского и Витте в Обществе Юго-Западных железных дорог продолжалась до 1886 г. Утвердившись в сфере бизнеса и обеспечив себе значительное состояние, Иван Алексеевич задался целью сделать карьеру на государственной службе. Чутко уловив политическую конъюнктуру, он примкнул к могущественному редактору-издателю «Московских ведомостей» М.Н. Каткову, который был в то время крупнейшим идеологом российского консерватизма. С конца 1883 г. Вышнеградский стал постоянным корреспондентом его газеты и опубликовал в ней ряд материалов по вопросам внутренней политики. Вместе с тем он широко пользовался поддержкой «Московских ведомостей» для защиты интересов Общества Юго-Западных железных дорог¹⁰. Ему удалось сойтись и с издателем петербургской газеты «Гражданин» кн. В.П. Мещерским, имевшим определённое влияние на Александра III. В то время консервативные круги добивались смещения министра финансов Н.Х. Бунге, который считался представителем либеральной «партии». Иван Алексеевич был выдвинут Катковым и Мещерским в качестве кандидата на этот пост.

Рассчитывая в ближайшем будущем на высокое назначение, Вышнеградский в декабре 1885 г. объявил об уходе с поста председателя правления Общества Юго-Западных железных дорог. Это было вызвано изданием законов

⁷ О деятельности С.Ю. Витте в Обществе Юго-Западных железных дорог см.: *Андреев П.Н.* Указ. соч. С. 118–122; *Слепнёв И.Н.* С.Ю. Витте и железнодорожная тарифная реформа 8 марта 1889 года: (К вопросу о балансе предпринимательских интересов и экономической политики) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 22–27; Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 108–112, 117, 128–136; *Ильин С.А.* Витте. М., 2006. С. 64–80; *Расков Н.В.* С.Ю. Витте как менеджер // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 8: Менеджмент. 2002. № 2. С. 134–146.

⁸ Труды Общего съезда, созванного председателем Высочайше учреждённой Комиссии для исследования железнодорожного дела в декабре 1881 года для обсуждения проекта «Общего Устава российских железных дорог» (Стенографический отчёт). СПб., 1882.

⁹ Труды Высочайше учреждённой при Министерстве путей сообщения под председательством товарища министра, статс-секретаря Гюббенета Комиссии по вопросу о тарифах железных дорог. Ч. 1. Вып. 1. СПб., 1884.

¹⁰ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте – корреспонденты «Московских ведомостей» // Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX–XX веков: Сборник статей. Л., 1972. С. 13–20.

3 декабря 1884 г. и 14 июня 1885 г., запрещавших чиновникам трёх высших классов участвовать в учреждении акционерных компаний и входить в состав их правлений. Вышнеградского сменил бывший управляющий дорогами Д.А. Андриевский, а его место по рекомендации Ивана Алексеевича с января 1886 г. занял Витте¹¹. Вышнеградский был заинтересован в сохранении своих доходов и влияния в Обществе Юго-Западных железных дорог. Усиливая позиции Витте, он рассчитывал на его содействие в качестве доверенного лица в руководстве компании.

В апреле 1886 г. Вышнеградский был назначен членом Государственного совета. Это было расценено всеми как первый шаг на пути к должности министра финансов. Либеральная пресса скептически отнеслась к креатуре М.Н. Каткова. В ответ Витте 8 мая 1886 г. опубликовал в киевской газете «Заря» под псевдонимом «Х» заметку, в которой причислил Вышнеградского к «наиболее даровитым и образованным русским людям» с «обширным промышленным, финансовым и административно-практическим опытом». Автор отправил Ивану Алексеевичу не только эту, но и другую заметку на ту же тему, не опубликованную только потому, что её «исполосовал редактор». В ответном письме Вышнеградский поблагодарил Витте за эти статьи: «В них и, в особенности, в Ваших действиях по поводу нападок на меня, я вижу такое искреннее и доброе ко мне расположение, которое меня вполне утешает за те неприятности, которые я, конечно, должен испытывать, читая эзуку братии “Нового времени”, “Киевлянина”, “Вестника Европы” и tutti quanti; я говорю, что меня это вполне утешает и позволяет с полным спокойствием относиться к ругательствам, инсинуациям и т.д.»¹².

Ещё бóльшие нападки враждебной печати вызвало назначение Вышнеградского в начале января 1887 г. управляющим Министерством финансов. И вновь Витте поспешил на помощь своему патрону. 4 января 1887 г. в недавно основанной газете «Киевское слово» появилась его статья, в которой определялись направления будущей политики финансового ведомства: избавление народного хозяйства России от иностранного влияния, расширение государственного вмешательства в экономическую жизнь, установление более жёсткого контроля над акционерными обществами и биржевыми операциями, введение винной и табачной монополий, коренной пересмотр таможенного тарифа для защиты интересов отечественной промышленности, выкуп нерентабельных железных дорог в казну, переход железнодорожных тарифов в руки государства, отказ от заключения заграничных займов в металлической валюте, установление режима бюджетной экономии и др.¹³

Вышнеградский сразу же начал привлекать Витте к решению вопросов правительственной политики. Вскоре после назначения членом Государственного совета он поручил ему провести экспертизу распоряжений Совета по железнодорожным делам, касающихся регулирования системы тарифов¹⁴. Заняв министерское кресло, Иван Алексеевич, по-видимому, изначально планировал устроить переход Витте на службу в своё ведомство. Он был заинтересован в его непосредственном участии в реформировании железнодорожного хозяйства. Многое зависело от исхода борьбы между Вышнеградским и минист-

¹¹ РГИА, ф. 378, оп. 3, д. 480, л. 45, 46, 54, 56–57 об.

¹² Там же, ф. 1622, оп. 1, д. 402, л. 1–1 об.

¹³ Киевское слово. 1887. 4 января.

¹⁴ РГИА, ф. 1622, оп. 1, д. 402, л. 1 об. – 2.

ром путей сообщения К.Н. Посьетом за право руководства тарифным делом. Взлёту карьеры Витте способствовало крушение императорского поезда, произошедшее 17 октября 1888 г. недалеко от станции Борки Курско-Харьковско-Азовской железной дороги. После этой катастрофы Посьет подал в отставку. Его преемником стал видный инженер-строитель Г.Е. Паукер, который состоял с Вышнеградским в приятельских отношениях. Правда, в конце марта 1889 г. он скончался, пробыв в должности министра всего пять месяцев. Тем не менее министр финансов успел за это время достичь поставленной цели – под его нажимом Паукер отказался от притязаний своего ведомства на заведование тарифами¹⁵.

Сразу же после отставки Посьета Вышнеградский поручил Витте подготовить соображения об увеличении доходности железнодорожной сети. Сергей Юльевич высказал твёрдое убеждение, что для этого следует покончить с произвольным установлением провозной платы на дорогах и навести порядок в тарифном деле, передав его в руки государства. Он разработал проект учреждения в составе Министерства финансов Департамента железнодорожных дел для координации деятельности всех тарифных органов и общего контроля над финансами железных дорог. При нём создавались межведомственный Совет по тарифным делам под председательством министра финансов для решения общих вопросов и Тарифный комитет во главе с директором департамента, также состоящий из представителей разных ведомств, для конкретного обсуждения тарифных ставок¹⁶.

Позднее Вышнеградский пригласил Витте в Петербург для участия в работе Особого совещания, образованного для обсуждения его проекта. Все предложения Сергея Юльевича были одобрены, и в январе 1889 г. проект поступил на рассмотрение Государственного совета. Министр финансов собирался назначить Витте на пост директора нового департамента и настоятельно рекомендовал его Александру III. Но этот вопрос решился далеко не сразу. После окончания работы совещания Витте вернулся в Киев к своим обязанностям управляющего. «Тогда о моём назначении директором департамента не было и речи, – вспоминал он, – впрочем, глухо заговаривал со мной об этом Вышнеградский, но я прямо отклонил это предложение, да и Вышнеградский сказал мне, что он сам это понимает. Я совсем не намеревался перейти от железнодорожного дела, оставить место управляющего Юго-Западными железными дорогами (которые имели более 3 тыс. верст), на котором я получал громадное содержание, был совершенно свободным человеком – сам себе хозяин, перейти на чиновничье место, хотя бы и высшего ранга»¹⁷.

Закон 8 марта 1889 г. объявил об установлении государственной монополии на железнодорожные тарифы и сосредоточении заведования ими в финансовом ведомстве¹⁸. Сразу же после его утверждения Вышнеградский отправил Витте в Киев телеграмму с предложением возглавить Департамент железнодорожных дел. По словам Сергея Юльевича, вначале он написал министру финансов, что «совсем не намерен переменять свою частную независимую службу на службу директора департамента». Витте согласился занять предложенный пост только тогда, когда Вышнеградский сослался на волю самого Александра III. Правда,

¹⁵ *Изнар Н.Н.* Записки инженера // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 80–83.

¹⁶ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 180–183.

¹⁷ Там же. С. 183.

¹⁸ ПСЗ-III. Т. 9. СПб., 1891. № 5831.

Сергея Юльевича смутила разница между его жалованием управляющего (более 50 тыс. руб.) и окладом директора департамента (8 тыс. руб.). Но проблеме удалось частично урегулировать – император согласился доплачивать ему ещё 8 тыс. руб. из своих личных средств¹⁹. Как утверждал 8 августа 1892 г. в своём дневнике начальник Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистов, именно министр финансов убедил Александра III проявить подобную щедрость²⁰.

В мемуарах Витте явно лукавил по поводу своего нежелания покидать доходное место в частной компании даже ради престижного поста директора департамента. Для него материальные блага значили всегда несравненно меньше, чем перспектива блестящей служебной карьеры. О стремлении Витте поступить на государственную службу свидетельствуют воспоминания А.Ф. Кони (в то время обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Сената), которому было поручено следствие по делу о крушении императорского поезда. Сергей Юльевич явился к нему на допрос в Харьковскую судебную палату 3 ноября 1888 г. «крайне встревоженный чем-то, с холодными и дрожащими руками». Он откровенно признался следователю: «Мне предстоит очень важное назначение, зависящее от министров финансов и путей сообщения, которым определится вся моя будущая служебная карьера. Мне не только крайне неудобно, но и совершенно невозможно восстанавливать против себя Вышнеградского или Посьета. Это может разрушить всю созревшую комбинацию»²¹. Опасения Витте оказались напрасными. Через неделю Посьет ушёл в отставку, а Вышнеградский и не помышлял лишать Сергея Юльевича своего покровительства.

10 марта 1889 г. Витте был назначен директором Департамента железнодорожных дел и переехал в Петербург. При содействии министра финансов он постарался обеспечить своему назначению достойную рекламу. Спустя несколько дней «Московские ведомости» опубликовали заметку, в которой Витте был представлен как «знаток железнодорожного дела вообще и в особенности тарифного дела». Особенно отмечались его участие в комиссии гр. Э.Т. Баранова и роль в разработке Общего устава российских железных дорог. «С.Ю. Витте, – говорилось в газете, – пользуется репутацией человека решительного, со вполне сложившимися убеждениями и искренно преданного интересам России... И.А. Вышнеградский без сомнения найдёт в С.Ю. Витте деятельного и опытного помощника в урегулировании столь трудного дела, каким является вопрос о наших железнодорожных тарифах, от которых зависит в значительной мере всё экономическое благосостояние России»²².

Директор нового департамента сразу же стал ближайшим сотрудником министра финансов. С целью укрепить положение Витте в «верхах», Вышнеградский, обычно скупой на похвалы, щедро расточал комплименты в адрес своего подопечного. «Он весьма высокого о нём мнения, – писал в своём дневнике Феоктистов 8 августа 1892 г., – нередко приходилось мне от него слышать, что при выдающемся уме и обширных сведениях Витте – громадная рабочая сила; в самое короткое время способен он усвоить себе какие угодно

¹⁹ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 170.

²⁰ РО ИРЛИ, д. 9122, л. 50 об.

²¹ Кони А.Ф. Крушение царского поезда в 1888 году // Кони А.Ф. Собр. соч. В 8 т. Т. 1. М., 1966. С. 434, 435.

²² Московские ведомости. 1888. 16 декабря.

сложные вопросы»²³. Кн. В.П. Мещерскому Вышнеградский говорил о Витте: «Да, это хорошая голова»²⁴. Как вспоминал товарищ министра финансов Ф.Г. Тернер, Иван Алексеевич «был особенно высокого мнения о талантах Сергея Юльевича» и даже «указывал государю на Витте как на естественного себе преемника»²⁵.

Вышнеградский активно привлекал своего протеже к решению вопросов, выходящих за пределы компетенции директора Департамента железнодорожных дел. Так, например, в августе 1890 г. он включил его в комиссию по подготовке протекционистского таможенного тарифа, утверждённого 11 июня 1891 г.²⁶, обсуждал с ним условия заключения займов²⁷, отправившись в августе 1890 г. в Среднюю Азию, взял с собой именно Витте²⁸. Придавая важное значение использованию прессы в своих целях, Вышнеградский поручил ему также сотрудничество с «Московскими ведомостями». Сергей Юльевич проявил в этом направлении большую активность и при контактах с редакцией всячески старался выставить себя выразителем взглядов самого министра финансов²⁹. В дальнейшем ему удалось в полной мере использовать газету для собственных карьерных целей.

Чиновник путейского ведомства Н.Н. Изнар вспоминал, что «влияние С.Ю. Витте на своего министра с каждым днём возрастало, и ни одно из важных мероприятий Министерства финансов в то время без него не обходилось, причём мнение С.Ю. Витте, как по крайней мере уверяли ближайшие сотрудники, имело решающее значение»³⁰. Правда, Сергей Юльевич нередко «зарывался» и превышал свои полномочия. По словам Изнара, однажды в «Правительственном вестнике» появилась официальная статья от имени финансового ведомства о ссудных операциях под хлеб на железных дорогах. Однако вскоре выяснилось, что с министром эту публикацию, подготовленную в Департаменте железнодорожных дел, никто не согласовывал. По этому поводу Вышнеградский имел с Витте «неприятный» разговор³¹.

Внешне отношения министра и его «фаворита» казались безоблачными. Как отмечает современный исследователь С.А. Ильин, «И.А. Вышнеградский был одним из немногих государственных деятелей России, которого С.Ю. Витте глубоко и искренне уважал, к которому был по-настоящему привязан, которого по-своему любил, у которого многому научился»³². Но свидетельства современников говорят о том, что в действительности всё обстояло гораздо сложнее. «Когда он, т.е. Витте, был вызван в Петербург, чтобы занять место директора департамента в Министерстве финансов, – вспоминал в январе 1893 г. Феоктистов, – мне приходилось слышать от хорошо знавших его людей, что он

²³ РО ИРЛИ, д. 9122, л. 50 об.

²⁴ Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 643.

²⁵ Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Ч. II. СПб., 1911. С. 220.

²⁶ РГИА, ф. 40, оп. 1, д. 42, л. 156–157.

²⁷ Лебедев С.К. С.-Петербургский международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003. С. 315.

²⁸ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 197–199.

²⁹ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Вышнеградский и С.Ю. Витте – корреспонденты «Московских ведомостей». С. 22, 24. О контактах Витте с редакцией «Московских ведомостей» в этот период см. также: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 48–52.

³⁰ Изнар Н.Н. Указ. соч. // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 80.

³¹ Там же. № 10. С. 84, 85.

³² Ильин С.А. Указ. соч. С. 60.

непрерывно свернёт голову своему покровителю и другу Вышнеградскому»³³. Н.Н. Изнар писал о Сергее Юльевиче: «Если ему на его жизненном пути стал бы чинить препятствия родной отец, он не призадумался бы его устранить самыми жестокими средствами». Мемуарист привёл также характеристику, которую дал Витте один из его сотрудников в Обществе Юго-Западных железных дорог П.А. Скальковский: «Вы увидите, – сказал он мне, – что теперь все его помышления будут направлены к тому, чтобы добиться министерского кресла. Когда он будет сделан министром, он будет стремиться сделаться премьером, если к тому времени такая должность будет у нас существовать. Но и на этом он не остановится и будет добиваться поста президента республики. Для его честолюбия нет пределов»³⁴.

Едва появившись в Петербурге, Витте стал в частных разговорах пренебрежительно отзываться о министре финансов. Хозяйка одного из столичных салонов А.В. Богданович записала 15 сентября 1889 г. в дневник подобное высказывание Витте: «Когда говорили о Вышнеградском, он странно как-то о нём говорил – отрицал в нём ораторский талант; сказал, что он слишком распространяется; подаваемые ему записки по разным делам он не приказывает печатать, как другие министры, но их прочитывает и запирает в стол, говоря при этом, что недаром же он 10 лет был учителем»³⁵. Сергей Юльевич сразу же стал искать в столице других покровителей. Он сумел добиться расположения кн. В.П. Мещерского, который в своих воспоминаниях дал ему лестную характеристику³⁶. Между тем к этому времени Вышнеградский явно охладел к редактору «Гражданина» и перестал прислушиваться к его советам.

Витте пытался выставить себя инициатором успешных мероприятий финансового ведомства. Так, вскоре после того как Высочайшим повелением 12 октября 1889 г. Дворянскому земельному банку был разрешён выпуск 5% закладных с выигрышами листов на сумму 80 млн руб., Сергей Юльевич с гордостью сообщил Изнару, что именно он несколько месяцев назад убедил Вышнеградского в целесообразности этого займа, хотя тот вначале отрицательно отнёсся к подобной «финансовой комбинации». Однако когда выяснилось, что заём не имеет успеха, Витте быстро переориентировался. «Зашёл как-то разговор о займе в присутствии Сергея Юльевича, – вспоминал Изнар, – который, вмешавшись в разговор, стал с жаром рассказывать, что он всегда был против выпуска такого займа, о чём он неоднократно говорил Ивану Алексеевичу, но что тот его не послушал и теперь должен расхлёбывать эту неудачную финансовую меру»³⁷.

Подобное поведение невозможно объяснить только непомерными амбициями и карьерными устремлениями Витте. Для него было в высшей степени неразумно вести «подкоп» под своего единственного покровителя в чуждом ему бюрократическом мире. Тем более, что в тот момент авторитет Вышнеградского был высок, как никогда, – обильные урожаи 1887–1888 гг., оживление торговли, невиданное расширение хлебного экспорта, подъём в промышленности позволили ему значительно повысить налоговые поступления в казну, избавиться от хронического бюджетного дефицита и начать накопление золотого запаса.

³³ РО ИРЛИ, д. 9122, л. 55.

³⁴ Изнар Н.Н. Указ. соч. // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 89.

³⁵ Богданович А.В. Три последних самодержца: Дневник. М., 1990. С. 117.

³⁶ Мещерский В.П. Указ. соч. С. 643, 644.

³⁷ Изнар Н.Н. Указ. соч. // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 80.

Однако было одно существенное обстоятельство, которое спустя несколько лет и привело Витте на пост министра финансов – после нескольких лет напряжённой работы у трудоголика Вышнеградского пошатнулось здоровье. Он стал чувствовать упадок сил и сильное переутомление. Министр финансов не афишировал своё состояние, но Витте, как близкий к нему человек, хорошо знал о его недомоганиях. Возможно, он с самого начала решил стать преемником заболевшего Вышнеградского. Но Витте устраивала только почётная отставка Ивана Алексеевича «по состоянию здоровья», так как он был связан с ним многолетними деловыми отношениями и считался в «верхах» его ставленником. Поэтому любая дискредитация министра неизбежно поставила бы под удар его самого.

Внешне Витте демонстрировал Вышнеградскому свою полную лояльность. Их сотрудничество было очень плодотворным, особенно в деле упорядочения железнодорожного хозяйства. По представлению министра финансов Государственный совет разрешил Витте при формировании департамента отказаться от обычной практики приглашать на службу в новую структуру чиновников других учреждений. Вышнеградский мотивировал это необходимостью привлечения в департамент людей, компетентных в области железнодорожного дела. При его поддержке Витте создал в своём ведомстве команду специалистов из хорошо знакомых ему инженеров Общества Юго-Западных железных дорог, которые отличались высоким профессионализмом и были преданы ему лично³⁸.

Осенью 1889 г. Министерство финансов ввело новые тарифы, как вывозные, так и прямых внутренних сообщений. В основу тарифной схемы было положено дифференцированное уменьшение ставок оплаты в зависимости от увеличения протяжённости перевозок. Государственная монополия на тарифы стала в руках правительства эффективным орудием для проведения политики промышленного и аграрного протекционизма³⁹. Виттевский департамент активно включился также в процесс расширения контроля над доходами и расходами частных железнодорожных компаний, существенно потеснив путейское и контрольное ведомства, которые ранее доминировали в этой области⁴⁰. Упорядочение системы тарифов и проведение контрольно-финансовых мероприятий позволили ускорить выкуп нерентабельных частных дорог в казну и организацию казённого железнодорожного хозяйства.

Вышнеградский и Витте широко использовали в своей бюрократической практике методы ведения дел в мире бизнеса. Они действовали напористо, стремились всеми возможными способами потеснить конкурирующие ведомства, зачастую не считаясь с устоявшимися нормами поведения в чиновной среде. Министр финансов и его помощник полагали, что ради соблюдения интересов казны годятся любые средства⁴¹. «Они в государственных делах часто действовали, как вольные казаки, ни перед чем не останавливаясь, лишь бы

³⁸ Дубенцов Б.Б. Попытки преобразования организации государственной службы в конце XIX в. (Из практики Министерства финансов) // Проблемы отечественной истории: Сборник статей аспирантов и соискателей. Ч. 1. М.; Л., 1976. С. 204–206; *Изнар Н.Н.* Указ. соч. // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 88, 89.

³⁹ Соловьёва А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 165–167; Китанина Т.М. Хлебная торговля в России в конце XIX – начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011. С. 125–133.

⁴⁰ Степанов В.Л. Контрольно-финансовые мероприятия на частных железных дорогах России (конец XIX – начало XX в.) // Экономическая история: Ежегодник 2004. М., 2004. С. 59–66.

⁴¹ *Изнар Н.Н.* Указ. соч. // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 85.

достигнуть намеченной цели, – вспоминал Изнар. – Когда было нужно, пускалось всё в ход – сплетни, интрига и печать. Для того чтобы расположить к себе влиятельные органы печати, на службу в качестве чиновников особых поручений приглашались сотрудники, писавшие статьи, вдохновляемые министром или его ближайшими сотрудниками»⁴².

Подобные методы особенно широко применялись в возобновившейся конфронтации с Министерством путей сообщения. Преемником Г.Е. Паукера с конца марта 1889 г. стал А.Я. Гюббенет, занимавший в 1880–1885 гг. должность товарища министра. Переход тарифного дела в распоряжение финансового ведомства он воспринял как тяжёлое поражение своего министерства и всеми силами старался взять реванш. Кроме того, Гюббенет, как и его предшественники, выступал за полное сосредоточение всей железнодорожной сети в руках казны. Руководство Министерства финансов считало более рациональной «смешанную» систему железнодорожного хозяйства, при которой казённые дороги сосуществовали с высокодоходными частными линиями. На этой почве разгорелась острая борьба между двумя ведомствами, в которой Сергей Юльевич принимал самое активное участие. «Все высшие чины министерства знали, – отмечал Изнар, – что в большинстве возникавших между обоими министерствами пререканий вдохновителем И.А. Вышнеградского был не кто иной, как С.Ю. Витте»⁴³.

В этой схватке преимущество явно было на стороне Министерства финансов. Однако в самом конце 1891 г. в Петербурге пошли слухи о получении Витте крупной взятки от одной железнодорожной компании. Говорили даже о том, что он подал в отставку и собирается просить императора назначить следствие по своему делу⁴⁴. Это вызвало сильное беспокойство в консервативных кругах, которые стали опасаться смены власти в финансовом ведомстве. Сотрудник «Московских ведомостей» В.А. Грингмут писал редактору-издателю газеты С.А. Петровскому, что «падение С[ергея] Ю[льевича] лично коснётся и И[вана] А[лексееви]ча, который всегда так его поддерживал и защищал»⁴⁵. Действительно, хотя министр государственных имуществ М.Н. Островский полагал, что «если Витте уйдёт, то беда невелика»⁴⁶, данный инцидент мог существенно повредить Вышнеградскому, который с началом голода 1891–1892 гг. лишился ореола «финансового гения» и подвергался резкой критике в обществе и правительственных кругах. С целью активизировать своих союзников, Вышнеградский и Витте даже пугали их угрозой триумфа либеральной «партии». Грингмуту Сергей Юльевич «подробно рассказал о всех махинациях, направленных против него и Вышнеградского, отставка которого должна быть первой победой либерализма, так как за отставкой последует такой хаос, в котором сразу и открыто поднимут голову все антиправительственные элементы»⁴⁷.

Однако спустя две недели всё изменилось. 17 января 1892 г. А.Я. Гюббенет был вынужден подать в отставку, а через месяц его место занял Витте. Он утверждал в мемуарах, что «император давно имел в виду назначить меня

⁴² Там же. № 6. С. 76.

⁴³ Там же. № 5. С. 70.

⁴⁴ Там же. № 9. С. 93; *Кольшико И.И.* Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 119; ОР РГБ, ф. 224, п. 1, д. 39, л. 16 об., 17 об.

⁴⁵ ОР РГБ, ф. 224, п. 1, д. 39, л. 17 об.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, л. 11.

министром путей сообщения»⁴⁸. Но ситуация с замещением этой вакансии была не столь проста. В «верхах» обсуждалось несколько кандидатур, и Александр III некоторое время не мог прийти к окончательному решению. По словам кн. Мещерского, Витте получил свой пост по рекомендации Вышнеградского. Когда император спросил его мнение, министр финансов без колебаний ответил, что «Витте, несмотря на его сравнительно молодой возраст, мог бы быть ему чрезвычайно полезным как знаток железнодорожного дела и как крупный административный ум»⁴⁹. Другую версию приводит И.И. Кольшко: Вышнеградский доверил Витте Департамент железнодорожных дел, но не признавал за ним «дарования финансиста». Мещерский, союзник Сергея Юльевича, всячески пытался склонить на его сторону «столпов власти», но только Иван Алексеевич оставался непреклонен – «старик упрямо твердил: “Я знаю Витте лучше всех. Он никакой государственный человек”». А после всё же состоявшегося назначения Вышнеградский «почесал затылок»⁵⁰.

Свидетельство Кольшко вызывает сомнения. Вышнеградскому был очень нужен «свой человек» во главе традиционно враждебного путейского ведомства. Это значительно усиливало позиции Министерства финансов в правительстве. Вместе с тем Иван Алексеевич явно почувствовал некоторую «ревность» к слишком прыткому подопечному. «Когда я сделался министром путей сообщения, то у меня с Вышнеградским сохранились самые лучшие отношения», – уверял Витте в своих мемуарах⁵¹. Однако именно с этого момента окружающие стали замечать разлад между ними. По словам А.В. Богданович, обоих сановников прочно связывали «гешефты», которые они вместе делали в прошлом. «Может, это и продлит их дружбу, – писала она в дневнике 6 марта 1892 г., – если они будут заинтересованы, чтобы дела не всплывали наружу, но всё-таки думаю, что скоро оба перегрызутся, что Вышнеградский недоволен в душе, что Витте – министр»⁵².

Этот прогноз во многом оправдался. По мнению А.А. Половцова, Вышнеградский способствовал назначению Витте на место А.Я. Гюббенета, «рассчитывая иметь в министре путей сообщения подчинённого себе приказчика»⁵³, и всячески демонстрировал своё покровительственное отношение к нему. Когда французские железнодорожные предприниматели П. Дековиль и Ш. Лесюэр пожелали обсудить с Витте технические детали строительства Сибирской магистрали, Иван Алексеевич заявил им, «что новый министр путей сообщения его человек и что с кем из них обоим говорить всё равно, что Витте надо дать недели две, чтобы осмотреться, а что он, Вышнеградский, знает железнодорожное дело не хуже Витте»⁵⁴. Всё это не могло не раздражать честолюбивого Сергея Юльевича.

На вопрос Половцова, присоединит ли он к своему министерству «Тарифный департамент», Витте 19 февраля 1892 г. осторожно ответил, «что, конечно, отказываться от такого присоединения не будет, но что инициативу такого присоединения всецело предоставляет Вышнеградскому»⁵⁵. Разумеется, Сергей

⁴⁸ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 222.

⁴⁹ Мещерский В.П. Указ. соч. С. 645.

⁵⁰ Баян [Кольшко И.И.] Указ. соч. С. 12, 13.

⁵¹ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 286.

⁵² Богданович А.В. Указ. соч. С. 171.

⁵³ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. М., 2005. С. 450.

⁵⁴ Там же. С. 453.

⁵⁵ Там же.

Юльевич очень желал этого и даже отправил официальную просьбу министру финансов, но получил категорический отказ. Однако без тарифного учреждения в своей структуре Министерство путей сообщения играло второстепенную роль в управлении железными дорогами. Витте оказался отстранённым от руководства делом, в котором он считал себя крупнейшим специалистом. Не оправдались и его надежды получить от Ивана Алексеевича «по дружбе» дополнительные ассигнования на нужды своего ведомства. Вышнеградский остался непреклонен и не пожелал выходить за рамки сметных назначений⁵⁶. Кроме того, император требовал от Витте ускорить работы по сооружению Сибирской магистрали, а министр финансов считал этот проект слишком обременительным для казны и не выделял на него достаточных средств⁵⁷.

Отношения между Вышнеградским и Витте стали темой пересудов в обществе. По рукам в списках ходило сатирическое стихотворение «Ещё одна последняя конверсия», которое приписывали поэту В.П. Мятлеву⁵⁸. В нём пародировался диалог в келье Чудова монастыря между Пименом и Григорием Отрепьевым из пушкинского «Бориса Годунова». В роли собеседников выступали оба министра. Погружённый в денежные расчёты Вышнеградский-Пимен произносит монолог, завершающийся словами: «Ещё одна последняя конверсия, // И состояние упрочено моё». Проснувшийся Витте-Отрепьев с отвращением взирает на министра финансов: «Как гнусен мне его схищный вид, // Когда, душой в старанье погружённый, // Строчит проекты он для обирания ближних, // Не ведая ни жалости, ни страха». Тем не менее Витте с восторгом рассказывает Вышнеградскому своё дивное ночное видение: «Мне снилось, что лестница крутая // Меня вела на башню. С высоты // Весь Петербург кишел, как муравейник // Министров Комитет и гатчинский синклит // Простерлися во прах передо мною; // А я министров всех славнее стал // И гением меня возвеличали». Последние строки сатиры содержали грозное пророчество, адресованное министрам-сообщникам: «Хоть увернётесь вы от судьбища людского, // Вам не уйти от Божьего суда!»⁵⁹.

В начавшейся конфронтации между недавними партнёрами время работало на Витте. Министр финансов окончательно подорвал свои силы в борьбе с голодом. Он по-прежнему не щадил себя в служебных делах, но уже с трудом выдерживал привычный рабочий ритм. Возглавив путейское ведомство, Витте не удовлетворился достигнутым результатом и начал прокладывать себе путь к более заманчивой вершине. «Чуть не с первого дня назначения, – утверждал известный экономист Г.П. Сазонов, – он повёл в сферах и салонах Татищева, кн. Мещерского и др[угих] агитацию за необходимость назначения нового министра финансов вследствие неизлечимой болезни Вышнеградского»⁶⁰. Вскоре судьба дала Сергею Юльевичу уникальный шанс, которым он сумел воспользоваться.

26 марта 1892 г. на заседании Департамента экономии Государственного совета самочувствие Вышнеградского резко ухудшилось, и его немедленно проводили домой. Тем не менее утром он отправился в Гатчину на доклад к императору. В вагоне поезда к нему присоединился Витте, который тоже ехал

⁵⁶ *Propper S.M.* v. Op. cit. S. 173–174; *Кольшико И.И.* Указ. соч. С. 123.

⁵⁷ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 287.

⁵⁸ *Изнар Н.Н.* Указ. соч. // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 76.

⁵⁹ ОР РНБ, ф. 1123, д. 145, л. 1–2.

⁶⁰ РГИА, ф. 1659, оп. 1, д. 63, л. 82 об.

на еженедельную аудиенцию. Он заметил, что Вышнеградский с трудом поддерживает разговор и путается в словах. «Я спросил его: для чего он поехал? Разве у него есть экстренные дела? – вспоминал Витте. – Вышнеградский начал мне говорить, что он считает безусловно необходимым ехать к государю на доклад, что это долг каждого министра; что министр не может отказываться от поездки к государю для доклада точно так же, как военный человек не может отказываться идти на войну». Всю дорогу министр финансов штудировал свой текст, стараясь запомнить его содержание.

По приезде в Гатчину Сергей Юльевич, опередив Вышнеградского, прямо отправился к Александру III и доложил о тяжёлом состоянии Ивана Алексеевича, предупредив о возможных странностях его поведения. Удостоившись монаршей благодарности, Витте вышел из кабинета через другую дверь, чтобы не столкнуться с министром финансов. «Затем, когда после доклада Вышнеградского наступила моя очередь докладывать, – вспоминал позднее Сергей Юльевич, – государь сказал мне, что говорил Вышнеградский довольно складно, докладывал долго и много; но видно было, что он нервен и встревожен. “Но я, – сказал император, – всё это время молчал, ни одного слова не говоря, чтобы его ещё больше не нервировать; чтобы он был покоен. Он сделал доклад и ушёл, причём, когда он уходил, то немножко шатался”»⁶¹.

30 марта 1892 г. В.А. Грингмут без ссылки на источник сообщал С.А. Петровскому, что Витте по дороге в Гатчину, с разрешения Вышнеградского, внимательно ознакомился с его докладом. Грингмут иначе описал сцену в кабинете императора: «Когда Вышнеградский вошёл к государю, он последнего не узнал, прошёл мимо него и поклонился креслу. Государь, поражённый этим, старался его осторожным способом привести в сознание и достиг того, что Ив[ан] Алекс[еевич], собравшись с последними силами, начал прекраснейшим образом делать свой доклад, но не мог довести его до конца. Витте, присутствовавший при этом, попросил позволение у государя, и ещё более блестящим образом довёл знакомый ему доклад до конца, к удивлению и удовольствию государя... Одним этим шагом С[ергей] Ю[льевич] сразу выдвинулся вперёд и считается теперь наиболее серьёзным кандидатом!»⁶².

Таким образом, Витте, с одной стороны, вовремя подстраховал своего благодетеля, а с другой – потеснил соперника и выставил себя перед императором в выгодном свете. При этом, по словам А.В. Богданович, вскоре после происшествия в Гатчине в одном частном разговоре Витте заявил, «что уже два года он замечал, что Вышнеградский ненормален, а что уже полгода, как он совсем сумасшедший»⁶³. И хотя, спустя несколько дней, Ивану Алексеевичу стало лучше, вердикт врачей был категоричен: он перенёс инсульт и поэтому должен прекратить всякую служебную деятельность и отправиться на продолжительный отдых. Ему предстояло почти два месяца провести в Крыму.

Витте поспешил использовать новую возможность для продвижения к заветной цели. 4 апреля 1892 г. в «Московских ведомостях» появилась явно инспирированная им заметка о предстоящем отъезде министра финансов, вызвавшим «много различных, пока ещё ни на чём положительном не основанных, толков, сводящихся к предположению, что важные вопросы будут решаться не без участия, между прочим, и министра путей сообщения С.Ю. Витте как

⁶¹ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 288, 289.

⁶² ОР РГБ, ф. 224, к. 1, д. 39, л. 7–8 об.

⁶³ Богданович А.В. Указ. соч. С. 174.

человека, наиболее посвящённого в планы и намерения министра финансов, вследствие долговременной совместной работы». В том же номере газеты была опубликована статья, автор которой успокаивал публику, встревоженную перспективой финансового расстройств из-за болезни и отъезда Вышнеградского: «Заслуга нашего министра финансов заключается не в одном блестящем ведении нашего финансового дела, она проявляется также и в выборе тех людей, которых он за время своего заведования министерством делал своими ближайшими сотрудниками, советчиками и вместе с тем самыми искренними друзьями. Найдутся поэтому достойные руки, в которые И.А. Вышнеградский спокойно может передать временное ведение нашего финансового дела». Намёк на Витте как естественного преемника заболевшего министра был более, чем прозрачным⁶⁴.

По бюрократической традиции управляющим финансовым ведомством в отсутствие Вышнеградского стал Ф.Г. Тернер. Однако Иван Алексеевич не особенно полагался на своего товарища, не доверяя его компетентности и самостоятельности в выработке экономической политики. На аудиенции в Гатчине 6 апреля 1892 г. Вышнеградский предложил Александру III поручить Тернеру в особо сложных вопросах советоваться с многоопытным и влиятельным председателем Департамента экономии Государственного совета А.А. Абазой, который был союзником министра финансов. «Нет! – последовал ответ. – Пусть советуется с Витте!»⁶⁵. Это был тревожный сигнал для Вышнеградского.

9 апреля Иван Алексеевич отбыл в Крым. Вначале Александр III сетовал на его отсутствие и писал императрице Марии Фёдоровне на Кавказ, что без Вышнеградского «дела вести трудно, а тут как раз весьма важные дела набрались, и не знаешь, как быть и что делать»⁶⁶. Неудивительно, что Витте, воспользовавшись отъездом министра финансов, смог заметно усилить своё влияние на императора. Сожалея о болезни Вышнеградского, Александр III однажды сказал о нём министру внутренних дел И.Н. Дурново: «Если уже не суждено ему вернуться к деятельности, то надо утешаться тем, что в лице Витте он сам подготовил себе достойного преемника»⁶⁷. Тем временем Сергей Юльевич продолжал публично «ронять» авторитет своего бывшего патрона. Так, 17 апреля 1892 г. он заявил А.А. Половцову о министре финансов: «К сожалению, это человек, на слова коего полагаться нельзя»⁶⁸. Уже в начале мая император сказал Дурново о своём намерении назначить Витте «на место не могущего продолжать занятия Вышнеградского»⁶⁹.

Как свидетельствует в своих мемуарах С.М. Проппер, в мае Александр III поручил Сергею Юльевичу отправиться на Волгу для борьбы с эпидемией холеры. Там до него дошёл преувеличенный слух об улучшении здоровья министра финансов и о его скором возвращении к работе. Выполнив свою миссию, встревоженный Витте поехал в Крым для встречи с Вышнеградским, а затем вернулся в столицу. Вскоре в «Московских ведомостях» будто бы появилась сенсационная корреспонденция из Петербурга, сообщавшая, что, по мнению

⁶⁴ Московские ведомости. 1892. 4 апреля.

⁶⁵ РГИА, ф. 728, оп. 1, д. 1, л. 24 об.

⁶⁶ Император Александр III и императрица Мария Фёдоровна: переписка. 1884–1894 годы. М., 2001. С. 131.

⁶⁷ РО ИРЛИ, д. 9122, л. 50 об.

⁶⁸ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. С. 479.

⁶⁹ Там же. С. 451.

лиц, видевших Вышнеградского в последнее время, он неизлечимо болен, страдает явно выраженным параличом мозга, совершенно не контролирует свои действия, и это делает дальнейшее его руководство Министерством финансов невозможным. Публикация якобы была организована корреспондентом «Московских ведомостей» Д.А. Гравенгофом, близким к деловым кругам и оказывавшим сначала Вышнеградскому, а потом и Витте различные услуги деликатного характера⁷⁰. В «Московских ведомостях» выявить такую заметку не удалось. Газета, напротив, всячески приукрашивала состояние министра финансов, уверяя читателей в полном восстановлении его работоспособности⁷¹. «Первое время после возвращения он будет заниматься умеренно, а 1 сентября он опять вступит в управление министерством», – утверждалось на её страницах 3 июня 1892 г.⁷² Тем не менее сам факт того, что Проппер приписал Витте подобную «диверсию» против Вышнеградского, достаточно красноречив.

Оптимистические заявления «Московских ведомостей» относительно состояния Вышнеградского никого не могли ввести в заблуждение. Как писал 24 мая 1892 г. С.А. Петровскому генерал А.А. Киреев, в столичном обществе распространилось мнение о том, что министр финансов «ни на что более не способен», и теперь «первым кандидатом должно считать Витте»⁷³. Сразу же после возвращения в Петербург из поездки «на холеру» Сергей Юльевич имел примечательный разговор с Колышко в своём кабинете в Юсуповском дворце, где размещалось Министерство путей сообщения. «Ломаю шею Вышнеградскому, ребячески улыбнулись Вы (о эта Ваша ребяческая улыбка), – вспоминал публицист в своей известной “антивиттевской” брошюре. – Предлагают портфель министра финансов. Принять?»⁷⁴. В своих мемуарах Колышко утверждал, будто тогда Витте сказал, что его «прочат в министры финансов», а Вышнеградского «уходят», с апломбом добавив: «В России тот пан, у кого в руках финансы. Этого до сих пор не понимали. Даже Вышнеградский. Но я их научу»⁷⁵.

Иван Алексеевич вернулся в Петербург 6 июня, но ещё несколькими днями ранее Александр III подтвердил И.Н. Дурново своё намерение назначить Витте министром финансов⁷⁶. Вышнеградский вскоре уехал в Стокгольм на очередной курс лечения, но какого-либо заметного улучшения в его состоянии так и не произошло. Витте же продолжал всех убеждать в неспособности Ивана Алексеевича к дальнейшей работе. В конце июня, незадолго до его возвращения из Швеции, Сергей Юльевич говорил государственному контролёру Т.И. Филиппову, что Вышнеградский, «вероятно, будет заниматься, а это грозит его здоровью, ибо головные боли всё ещё не проходят и в Стокгольме даже очень его беспокоили». Вместе с тем, продолжал Витте, «и не заниматься-то нельзя, ибо в министерстве делается Бог знает что»⁷⁷. Так он готовил почву для своего назначения.

Возвратившись в Петербург в начале июля, министр финансов в беседе с Филипповым откровенно признал себя слабым и неспособным управлять сво-

⁷⁰ Propper S.M. v. Op. cit. S. 174–175.

⁷¹ Московские ведомости. 1892. 27 апреля, 4 мая, 28 мая, 3 июня.

⁷² Там же. 1892. 3 июня.

⁷³ ОР РГБ, ф. 224, к. 1, д. 64, л. 96.

⁷⁴ Баян [Колышко И.И.]. Указ. соч. С. 6.

⁷⁵ Колышко И.И. Указ. соч. С. 122.

⁷⁶ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. С. 485.

⁷⁷ РГИА, ф. 728, оп. 1, д. 1, л. 23–23 об.

им ведомством. На аудиенции 9 июля он поставил вопрос о своей отставке перед Александром III, который после некоторых колебаний согласился на его просьбу. Иван Алексеевич даже попросил императора назначить ему день для официального увольнения⁷⁸. В этой ситуации сразу же зашла речь о преемнике. Однако, как отмечал 8 августа в дневнике Феокистов, «на этот раз не приходится даже долго раздумывать, кому вверить столь важный пост: кандидат был налицо»⁷⁹. Как вспоминал кн. Мещерский, «Вышнеградский счёл своим долгом сказать государю, что он другого преемника себе не может рекомендовать, как Витте»⁸⁰. Но на вопрос Ф.Г. Тернера о сроке его назначения Сергей Юльевич ответил, что подобное предложение ему до сих пор не сделано⁸¹.

Между тем Вышнеградский вдруг передумал уходить в отставку. Ивану Алексеевичу пришла в голову комбинация, которая позволила бы ему удержать за собой министерский пост. На аудиенции 7 августа Александр III с большим сочувствием расспросил Вышнеградского о здоровье и выразил сожаление по поводу его вынужденного ухода. Тогда министр заявил, что не будет подавать в отставку, если удастся сузить сферу компетенции финансового ведомства. Он предложил передать в ведение Витте департаменты железнодорожных дел, торговли и мануфактур, таможенных сборов и образовать новое Министерство торговли и путей сообщения. Это позволило бы Вышнеградскому ещё некоторое время оставаться во главе усечённого Министерства финансов. Император вначале согласился на подобный вариант и поручил Ивану Алексеевичу подготовить доклад о реорганизации обоих ведомств⁸².

Вышнеградский рассказал о договорённости с императором Тернеру. «Иван Алексеевич мне признался откровенно, – вспоминал тот, – что, хотя в прежнее время он и рекомендовал Сергея Юльевича государю в качестве будущего министра финансов, но что теперь он начинает несколько сомневаться в целесообразности подобного назначения, потому что он начинает опасаться, что Витте будет слишком широко и неосторожно пользоваться кредитом; по его мнению, он будет очень хорошим министром торговли, но Министерство финансов он бы считал благоразумнее впоследствии передать мне как человеку более осторожному». Вышнеградский предполагал остаться во главе финансового ведомства ещё на год, а затем уступить своё место Тернеру⁸³.

Министр финансов и его товарищ немедленно приступили к составлению всеподданнейшего доклада. «Как бы ни устроилось дело, – спустя несколько дней писал Вышнеградский своему другу, известному поэту А.Н. Майкову, – я буду уже гораздо покойнее, и даже спокойствие душевное и теперь малопомалу нисходит на меня, так как я чувствую, что я сделал всё, что от меня зависит, дабы не только моя болезнь не помешала успешному ходу государственных дел, но даже и способствовала усовершенствованию сего, так как новая комбинация, т.е. устройство Министерства торговли и путей сообщения, не только даст мне возможность с меньшим напряжением и, следовательно, с надеждой сохранить на более длинное время свои силы, заведовать остальной

⁷⁸ Там же, л. 46.

⁷⁹ РО ИРЛИ, д. 9122, л. 50 об.

⁸⁰ Мещерский В.П. Указ. соч. С. 645, 646.

⁸¹ Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Ч. II. С. 220.

⁸² См. об этом: РГИА, ф. 728, оп. 1, д. 1, л. 46 об.; РО ИРЛИ, д. 16753, л. 56; Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Ч. II. С. 220, 221; Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 290, 291.

⁸³ Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Ч. II. С. 221.

частью Министерства финансов, но и передать торговлю и промышленность в руки человека сведущего, талантливое и энергичного, который, действительно, может довольно быстро закончить начатое (между прочим, упорядочение хлебной торговли путём элеваторов и сортирования) и, без сомнения, привнесёт в дело много собственных живых идей, а при своём молодом возрасте и крепком организме будет он в состоянии делать дело по своим путям довольно долгое время для того, чтобы торговля успела прорыть себе новое русло и в нём окончательно устроиться»⁸⁴.

Однако в бюрократических кругах замысел Вышнеградского был воспринят скептически. «Комбинация эта возможна и даже хороша, – писал М.Н. Островский Т.И. Филиппову 12 августа 1892 г., – но только при условии, чтобы Ив[ан] Ал[ексееви]ч оставался мин[ист]ром фин[ансов], по крайней мере ещё года два (что мало вероятно, судя по его же собственным словам о состоянии его здоровья); если же он не в состоянии будет продолжительное время управлять Мин[истерств]ом фин[ансов], хотя и в уменьшенном составе, но всё-таки требующем больших трудов, забот и тревог, то комбинация эта никуда не годится, ибо, при назначении, в случае ухода И.А. Вышнеградского, на пост мин[ист]ра фин[ансов] С.Ю. Витте, что, по моему мнению, должно непременно последовать, пришлось бы, для успеха дела, возвращаться к прежнему порядку, так как кто же, кроме С[ергея] Юл[ьеви]ча, в состоянии будет управляться и с путями сообщения, и с железнодорожными тарифами, и с торговлей внутренней и внешней!»⁸⁵.

14 августа Иван Алексеевич отправился к императору с подготовленным докладом. Но к тому времени Александр III уже изменил свою позицию. Витте и Островский решительно высказались против замысла Вышнеградского. Сергей Юльевич не хотел отказываться от более влиятельного поста министра финансов. В итоге император сказал Ивану Алексеевичу, что ценит жертву, которую тот готов принести ради интересов дела, но не может принять её, так как рассчитывает предоставить ему другую ответственную должность. Поскольку председатель Департамента государственной экономии Абаза ещё в начале мая просил об отставке, то император решил отпустить его и с 1 января 1893 г. заменить Вышнеградским. Александр III посоветовал Ивану Алексеевичу к этому моменту отдохнуть и собраться с силами, чтобы достойно проявить себя на новом посту⁸⁶.

30 августа 1892 г. Витте был назначен управляющим Министерством финансов, а Вышнеградский остался лишь членом Государственного совета. Эти перемены в «верхах» вызвали в общественном мнении сильное недовольство⁸⁷. Сергею Юльевичу пришлось в полной мере пожалеть плоды своей близости к бывшему министру финансов, который имел репутацию «гешефтмахера» и «афериста». А.А. Половцов зимой 1891/92 г. называл Витте «возлюбленным соумышленником Вышнеградского в железнодорожном вопросе», который «в смысле честности, добросовестности не внушает никакого доверия», хотя и «очень умён, сдержан»⁸⁸. Анонимный автор, подписавшийся «Старый гвар-

⁸⁴ РО ИРЛИ, д. 16753, л. 61–62.

⁸⁵ ГА РФ, ф. 1099, оп. 1, д. 2341, л. 64 об.–65 об.

⁸⁶ РГИА, ф. 728, оп. 1, д. 1, л. 46 об., 48 об.; Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Ч. II. 221–223.

⁸⁷ РГИА, ф. 728, оп. 1, д. 1, л. 48 об.; Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Ч. II. С. 226.

⁸⁸ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. С. 428, 453.

деец» и считавший новое назначение Сергея Юльевича «кошунством над самодержавием», обращался к Александру III: «Витте был три года учеником и ближайшим сотрудником Богом казнённого министра – он знал все его секреты и один был в его мыслях – докладывают Вам; и это, действительно, было так в явное глумление над государством, и законами, и здравым смыслом; но не сугубо ли грешно вручать ученику такого учителя продолжение?» «Старый гвардеец» считал абсурдным, что Витте «предлагается к превращению из железнодорожного специалиста не только в финансиста, но даже в вершителя судеб этой, ещё более важной и более сложной отрасли, требующей, прежде всего, другой подготовки и обстановки, чем пройденная им у учителя механики Вышнеградского, в прозе, стихах, легендах и сказках прославленного по всей Руси как хищника, увы, многих очаровывающего»⁸⁹.

Сдав дела преемнику, Иван Алексеевич отправился в Крым, чтобы восстановить силы накануне ожидаемого вступления в новую должность. Тем временем в Петербурге произошли события, вновь приковавшие к бывшему министру финансов всеобщее внимание. Ещё 10 августа 1892 г. император получил изданную в Лозанне на русском языке брошюру И.Ф. Циона – видного учёного-физиолога, предпринимателя и публициста, ранее входившего в окружение М.Н. Каткова. Проживая в основном за границей, он имел широкие связи среди европейских журналистов, дипломатов и деловых людей. В мае 1887 г. Вышнеградский, собиравшийся приступить к конверсии внешних займов, по рекомендации Каткова назначил Циона агентом Министерства финансов во Франции. Однако через некоторое время тот был уличён в получении солидной взятки от западных банкиров и в ноябре 1888 г. с позором уволен со службы.

Узнав о предполагаемой отставке своего «гонителя», Цион решил нанести ему чувствительный удар. В брошюре он обвинял Вышнеградского в отсутствии заботы о развитии производительных сил страны и повышении жизненного уровня населения, писал о фиктивности бюджетных излишков, невиданном росте чрезвычайных расходов, закупках золота по непомерно завышенной цене, катастрофическом увеличении государственного долга, падении курса кредитного рубля, застою в промышленности и торговле, разорении крестьянства непосильными налогами и др.⁹⁰ К тексту были приложены отпечатанные в одном экземпляре документы, уличавшие министра финансов в биржевой игре. По мнению Тернера, автор брошюры стремился обвинить не только Вышнеградского, но и близкого к нему Витте⁹¹.

Александр III не придавал значения записке Циона, но обратил внимание на один из приложенных к ней документов – копию из приходо-расходных книг А. Ротшильда, которая свидетельствовала о получении министром финансов 500 тыс. франков во время переговоров о заключении 3-процентного золотого займа в 1891 г. Вскоре после того, как Витте занял пост министра финансов, император поручил ему разобраться в этом деле. Сергей Юльевич поспешил снять с Вышнеградского и тем самым с самого себя какие-либо подозрения. Он назвал «нападки» Циона «неправильными и необоснованными», а также заверил самодержца, что Иван Алексеевич не брал взятку, несмотря на несо-

⁸⁹ РГИА, ф. 1101, оп. 1, д. 882, л. 2 об., 3.

⁹⁰ Цион И.Ф. Итоги финансового управления г. Вышнеградского по официальным документам. Lausanne, 1892.

⁹¹ Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Ч. II. С. 226.

мненную подлинность представленного документа. По утверждению Витте, министр финансов в России постоянно находится «как бы под стеклянным колпаком», и каждый его шаг неизбежно становится известен сотрудникам. «Поэтому я считаю, – заявил он Александру III, – что вообще делать какие-нибудь злоупотребления министр финансов не может, а в частности, это я могу в особенности подтвердить относительно Вышнеградского, потому что всё время, когда он был министром финансов, я служил с ним в качестве директора департамента и был ближайшим его сотрудником; поэтому я отлично знаю, что если бы даже Вышнеградский и мог бы делать злоупотребления, если бы ему в этом отношении не препятствовали нравственные основания, то он настолько умный человек, что никогда бы их на этом посту не делал. Он бы не делал злоупотреблений именно потому, что он, несомненно, умный человек»⁹².

Император распорядился, чтобы министр финансов оставил записку с приложениями у себя. Позднее Витте выяснил, что 500 тыс. франков «комиссионных», действительно полученные Вышнеградским от Ротшильда, были распределены между членами французской банковской группы Э. Госкье в качестве компенсации за невыполненное министром финансов обещание обеспечить им участие в реализации займа. Член правления Петербургского международного банка А.Ю. Ротштейн передал Витте соответствующие расписки, которые тот, в свою очередь, представил императору. Тем самым Иван Алексеевич был очищен от всяких подозрений. Впоследствии, покидая Министерство финансов, Витте уничтожил все бумаги, компрометировавшие Вышнеградского⁹³.

Выгораживая бывшего покровителя перед императором, Сергей Юльевич оставался верен себе и в беседах с самыми разными людьми продолжал критически высказываться о нём. «Только что расстался он со своим патроном, – писал в январе 1893 г. в дневнике Феоктистов, – как начал огульно порицать всё его финансовое управление, основанное будто главным образом на биржевой игре. Вышнеградский, говорил он, в своей частной жизни всегда держался правила, которое рекомендовал всякому, кто хочет разбогатеть; резюмировать его можно в нескольких словах: “Если вы заработали рубль, то двугривенный можете истратить, а остальное спрячьте”. Следуя этому правилу, он скоплял деньги в государственном казначействе и отвечал постоянно безусловным отказом на всякие ходатайства, имеющие целью поощрение промышленности и торговли. В противоположность этому Витте обещал быть чрезвычайно щедрым и этим, конечно, производит весьма благоприятное для себя впечатление»⁹⁴.

Разумеется, эти речи доходили до Вышнеградского. Он прямо сказал А.Н. Майкову: «Я отогрел на своей груди змею»⁹⁵. Тем не менее Иван Алексеевич не желал обострять отношения с Витте, надеясь, что тот не забудет полученной в прошлом поддержки, и рассчитывая на его «понимание» при устройстве своих личных дел. По просьбе Вышнеградского Витте 7 сентября 1892 г. добился сохранения бывшему министру финансов прежнего годового оклада (18 тыс. руб.)⁹⁶. По свидетельству Т.И. Филиппова, он также просил

⁹² Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 281–283.

⁹³ Там же. С. 283, 293–295.

⁹⁴ РО ИРЛИ, д. 9122, л. 55 об.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ РГИА, ф. 565, оп. 11, д. 103, ч. 2, л. 162–163 об.

Сергея Юльевича удовлетворить ходатайство о ссуде в размере 200 тыс. руб. для подрядчиков по строительству Новороссийского порта. За их спиной стоял его сват И.Я. Савич, на дочери которого был женат единственный сын Ивана Алексеевича – Александр. И только то, что государственный контролёр уже утвердил доклад одного из своих подчинённых об отказе в этом ходатайстве, позволило министру финансов выйти из затруднительного положения. «Витте по этому случаю говорил, – писал в дневнике Филиппов, – что его ждёт немало затруднений от Вышнеградского, который, опираясь на свою близость с ним и оказанные ему услуги, будет часто приставать к нему с требованиями, которых по совести исполнить будет нелегко. Разумеется, это даёт повод Вышнеградскому обвинять Витте в неблагодарности»⁹⁷.

21 ноября 1892 г. Вышнеградский в союзе с Н.Х. Бунге выступил на заседании Особого совещания против предложения Витте строить Сибирскую магистраль на особые кредитные билеты, которые бы имели хождение наравне с обычными бумажными деньгами. По словам Тернера, это насторожило Сергея Юльевича. Опасаясь усиления позиций Вышнеградского, который вполне мог стать «неуправляемым» и в дальнейшем заблокировать его инициативы, он уговорил Александра III назначить на вакантную после отставки Абазы должность председателя Департамента государственной экономии Д.М. Сольского, ранее председательствовавшего в Департаменте законов Государственного совета⁹⁸. По своему спокойному и сговорчивому характеру этот сановник был более удобен для министра финансов. В дальнейшем Вышнеградский уже не вставал в оппозицию к Витте. На заседаниях Государственного совета и Комитета финансов он, как правило, поддерживал его законопроекты. А.А. Половцов полагал даже, что бывший министр финансов опасается «раскрытия его мошенничеств преемником»⁹⁹.

Лишив Ивана Алексеевича обещанного ему поста, Витте решил «подсластить пилюлю»: 1 января 1893 г. в «Правительственном вестнике» был опубликован Высочайший рескрипт на имя Вышнеградского, в котором подробно перечислялись его заслуги. Все знали, что этот текст редактировал Витте. По свидетельству Феоктистова, Сергей Юльевич сказал министру народного просвещения И.Д. Делянову: «Этим рескриптом я вполне расквитался с Иваном Алексеевичем; чего же ему больше от меня?» Одновременно он в очередной раз постарался бросить на него тень, заявив Островскому, что если самого Вышнеградского «нельзя заподозрить в каких-либо неблагоприятных действиях», то за его родственников он ручаться не может. Сергей Юльевич даже не удержался от восклицания: «Что это за алчная семья!» В подтверждение своих слов он рассказал невероятную историю. Перед отъездом в Крым на лечение Вышнеградский распорядился уничтожить множество накопившихся у него бумаг, считая их ненужными, однако его жена Варвара Фёдоровна предпочла продать их в мелочную лавку («извольте ли видеть, это такие бедные люди, что им каждый грош дорог!»). Один торговец купил эти бумаги и заметил, что среди них есть документы государственной важности. По-видимому, Иван Алексеевич, находясь в болезненном состоянии, не придавал им значения. Торговец доставил бумаги градоначальнику, который выкупил их у него и немедленно доложил об этом «происшествии» Александру III. «Не знаю, насколько это

⁹⁷ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 1, л. 57 об., 58 об.

⁹⁸ Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Ч. II. С. 222.

⁹⁹ Половцов А.А. Дневник. 1893–1909. СПб., 2014. С. 105.

верно; но вопрос этот надо оставить на совести Витте», – записал в дневник изумлённый Феоктистов¹⁰⁰.

В мемуарах Сергей Юльевич дал Вышнеградскому двойственную характеристику. Он писал, что это был «человек чрезвычайно способный, с большим математическим образованием, сильным, хотя и резким характером», «человек очень умный, где бы ему не приходилось быть, говорил всегда умно». Вместе с тем Витте указывал на его «низкопоклонство» перед сильными мира сего (в частности, перед И.С. Блюхом), мелочность и «крайнюю скупость». Витте скептически оценивал его качества как государственного деятеля: «Вышнеградский был более, чем я, деталист; пожалуй, он более изучал детали всякого дела, нежели я, но у него не было никакого полёта мысли, никакого полёта воображения, а без полёта воображения и полёта мысли даже в самых материальных экономических делах, коль скоро это дела большого масштаба, дела, имеющие государственное значение, творить большие вещи невозможно»¹⁰¹. При этом Сергей Юльевич почти не упоминал о поддержке, которую получил от своего покровителя в Обществе Юго-Западных железных дорог и в начале бюрократической карьеры.

Отношения между Вышнеградским и Витте нашли отражение и в литературе. В сатирическом романе-памфлете И.К. Бродского «Наши министры», опубликованном в 1909 г., Вышнеградский выведен под именем председателя правления акционерного общества южной сети железных дорог Ивана Николаевича Нижегородского, позже превратившегося в «звезду столичного бюрократического мира». В романе излагалась история о том, как этот «сластолюбивый старик» соблазнил молодую жену одного из служащих своей компании. С целью замаскировать прелюбодеяние он способствовал её разводу с мужем и новому браку с управляющим южными железными дорогами С.Ю. Теви (т.е. Витте), пообещав ему помочь сделать карьеру на государственной службе. Нижегородский сдержал слово и вознёс послушного подчинённого до правительственных высот, а тот, окрепнув в «верхах», предал благодетеля и занял его место¹⁰².

Многие замыслы и проекты Вышнеградского были воплощены в жизнь Витте, который в полной мере воспользовался плодами его деятельности на посту министра финансов. Казалось, на скрижалях истории их имена всегда будут стоять рядом. По словам чиновника Департамента торговли и мануфактур В.В. Прилежаева, «слишком много было связи между ними двумя и в их личных между собой отношениях, и во взглядах на многие вопросы, и в направлении работы сотрудников, чтобы при мысли о Витте не вставал в памяти и его предшественник»¹⁰³. Тем не менее для современников эпохальная фигура Витте быстро заслонила достижения менее удачливого министра. Как вспоминал известный журналист А.Р. Кугель, «после сравнительно робких опытов и начинаний Вышнеградского» Витте «быстро и решительно покончил со следами натурального хозяйства», а «его финансовые реформы, и особенно установление золотой валюты, были самым могущественным орудием европеизации России»¹⁰⁴.

¹⁰⁰ РО ИРЛИ, д. 9122, л. 55, 55 об.

¹⁰¹ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 111–112, 198, 287.

¹⁰² Бродский И.Н. Наши министры: былль недавних прошлых дней. СПб., 1909.

¹⁰³ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 45, л. 1.

¹⁰⁴ Кугель А.Р. Литературные воспоминания (1882–1896 гг.). Пг.; М., 1923. С. 115.

Приход «во власть» Вышнеградского и Витте был закономерным явлением, отражавшим общую тенденцию назначения на высшие государственные посты лиц, обладавших специальными знаниями в различных отраслях экономики (финансы, железные дороги, промышленность и др.). Министр финансов и его будущий преемник для достижения своих целей действовали как старший и младший партнёры. Отношения между ними во многом строились в соответствии с особенностями ментальности предпринимательской среды и этическими нормами, принятыми в деловом мире. По мере укрепления позиций Витте в правительственных кругах он становился всё более независимым от Вышнеградского и со временем превратился в конкурента, претендующего на его пост. На стороне Витте были преимущества молодости и здоровья, поэтому он сумел сравнительно легко устранить своего соперника.

Меньшевики и начало Гражданской войны в России

Илья Урилов

Гражданские войны не раз происходили в разное время во многих странах мира, включая и Россию, но до XX в. они носили скорее локальный характер, принимая форму отдельных крестьянских войн или городских восстаний. Гражданская война в России в 1917–1920 гг. охватила уже практически всю территорию страны, разделив её жителей на сторонников «красных» и «белых», создавших целые армии и готовых защищать свои интересы с оружием в руках вплоть до полного уничтожения противника. В войне приняли участие практически все политические партии и общественные объединения России той поры, причём внутри самих партий появились многочисленные левые, правые и центристские течения. Ни большевистская, ни меньшевистская партии не стали исключением. Среди руководства этих партий были и те, кто пытался противостоять разгоравшемуся противостоянию, и те, кто разжигал войну, исходя из своих интересов и понимания текущей ситуации в борьбе за власть. Исходной точкой Гражданской войны, обернувшейся общим кризисом государственности в стране и подлинной гуманитарной катастрофой для миллионов её жителей, стал Октябрьский большевистский переворот. Первыми вспышками Гражданской войны можно считать неудачные попытки мятежей петроградских юнкеров, Керенского и Краснова в октябре 1917 г., разгон большевиками Учредительного собрания 5–6 января 1918 г. в Петрограде, начало с января 1918 г. вооружённого противостояния создававшейся Красной армии и антибольшевистских сил на Дону и Украине.

Советская историография, посвятившая истории Гражданской войны в России сотни книг и тысячи статей, исходила из ленинского определения её сущности как «высшей и наиболее острой формы классовой борьбы», когда